

РАЗСКАЗЪ ТАНА (БОГОРАЗА).

Изъ жизни медвѣдей на сѣверѣ Азіи.

Да ужь какого меня, мати, разгульнаго да Васю родила... Да помоги Ты, Всевышненскій, мнѣ эту разсѣлку утку да заучить... Да въ теченіе любовушки тебѣ и косою видичекъ не покажу... Да за проступки за главныя тебѣ я, смугляночка, слова, Дуня, не скажу..."

Изъ-за Дуванскаго мыса выплылъ челнокъ, игрушечный, утлая скорлупка, стесанная въ стѣнкахъ до тонкости картона.

Вздокъ загребалъ то вправо, то влѣво, двухлопастнымъ весломъ и мчался впередъ, и тонкимъ фальцетомъ пѣлъ "андышину", странную любовную пѣсню, рожденную у сѣвернаго моря, полумпровизированную, дикую и сладкую, какъ красная малина, вырѣвшая вдругъ на солнцеклѣкъ подъ бурнымъ гранитнымъ "быкомъ".

"Ахъ не къ сроку, не ко время, птаня поспѣшенскій, была я къ тебѣ..."

На самыхъ высокихъ мѣстахъ онъ выдѣлывалъ горломъ заливыстыя трели, подобныя "йодлю" тирольцевъ, дрожашія и чистыя, какъ звуки серебряныхъ струнъ.

Василій Казанцевъ ѣхалъ изъ "Стараго Острога" съ покупками домой на Бранскую займку.

Онъ былъ заштатный казакъ изъ пѣшей Латунской станицы, осѣвшей на сѣверѣ въ давніе годы и потомъ перешедшей въ крестьяне, холостой, беззаботный, лукавый пѣсенникъ, опасный для женскаго сердца.

Женское сердце на сѣверѣ по пословицѣ "таить скорѣе, чѣмъ сало", и любовныя пары, юныя и даже пожилыя, сходятся быстро и расходятся также.

Василій Казанцевъ мѣнялъ подругъ, какъ "персты на перчаткахъ", которые протираются чуть не ежедневно отъ жесткаго весла и замѣняются новыми искусно шиваемыми внутри.

Не даромъ онъ самъ называлъ себя въ пѣснѣ Васей разгульнымъ...

Но въ это погожее теплое утро душа его стремилась къ "смуглянчкѣ Дунѣ", которая осталась на Бранской займкѣ пластать бѣлобокую рыбу, и ждала теперь, дожидаясь за тридевятью мысами, за широкими озерами на тундрѣ.

Онъ называлъ ее *очелинкой*, *жальчиночкой*, *малюточкой*, *любкой*, изливалъ свою душу и не могъ излить до конца.

Онъ везъ ей подарки изъ "Стараго Острога", доски кирпичнаго чаю, густого въ наварѣ, какъ деготь, и новую трубку изъ мѣди и пучки табаку, мохнатого и горькаго, какъ пепель и полынь. Ибо на сѣверѣ женщины курятъ не меньше мужчинъ.

За Дуванскимъ быкомъ открылась глубокая "виска" Разсошная, — боковая рѣчушка, суженная, какъ канава, заросшая кустами тальника. Вася Разгульный свернулъ въ

закругленное устье и проѣхалъ по длиннымъ водянымъ коридорамъ, задѣвая порою весломъ за обнаженные корни приземистой березы, отпихиваясь лопастью отъ земляного обрыва, подрытаго вешней водой и наполовину упавшаго внизъ.

Онъ плылъ безъ всякаго шума, какъ-будто привидѣніе, и порою совсѣмъ наѣзжалъ на линиящихъ утокъ, которыя мирно жирѣютъ въ глухой осоцѣ и помаленьку отращиваютъ себѣ новыя крылья.

Дорога лежала до самаго истока Разсошной — на озеро Курье. Потомъ по переузьямъ и "горламъ" и безчисленнымъ озерамъ черезъ мокрую тундру, — до новаго плеса широкой рѣки Пропады.

Въ лѣтнее время по тундрѣ на ногахъ не пройдешь, хотя бы и на конскихъ, а на веслахъ пройдешь вездѣ.

Синія влажныя жилы полярной равнины разостланы сѣтью и связаны вмѣстѣ, какъ петли.

Можно проѣхать по "вискамъ" и мокрымъ травянымъ волокамъ сквозь всѣ водораздѣлы изъ Сѣвернаго моря хоть въ бурный океанъ, который называется Тихимъ, какъ-будто въ насмѣшку...

Берега стали ниже. Начались перекаты.

Казанцевъ шаркнулъ дномъ о песокъ, задѣлъ весломъ о какой-то невидимый стволъ, съ усиліемъ выдернулъ лопасть и вдругъ выбросилъ вверхъ большую блестящую рыбу, сверкнувшую въ воздухѣ и тотчасъ же упавшую въ воду.

Быль ходъ чиря. Толстыя рыбы, обезумѣвъ отъ жажды "нереста" — метанія икры, лѣзали впередъ, разминая свое затвердѣвшее брюхо объ встрѣчную силу теченія.

Присмотрѣвшись внимательно, Вася разгульный могъ видѣть, какъ онѣ пробираются сквозь каждую щель межъ корнями, шуршатъ въ осоцѣ, дѣлаютъ прыжки на перекатахъ, чтобы перебраться дальше, на болѣе глубокое мѣсто.

Иныя выпрыгивали даже на берегъ и виляли зигзагами по мокрой травѣ, какъ странныя змѣи, короткія и плоскія и толстыя.

Вася разгульный по вѣчной привычкѣ своей зорко осматривалъ каждую извилину рѣчки, каждый камешекъ на сѣромъ берегу.

Вдругъ лицо его поблѣднѣло. Онъ пересталъ грести и быстро приткнулся носомъ челнока къ песчаному откосу.

На влажномъ пескѣ отпечатались слѣды, похожіе на человѣческіе, но только короче и глубже.

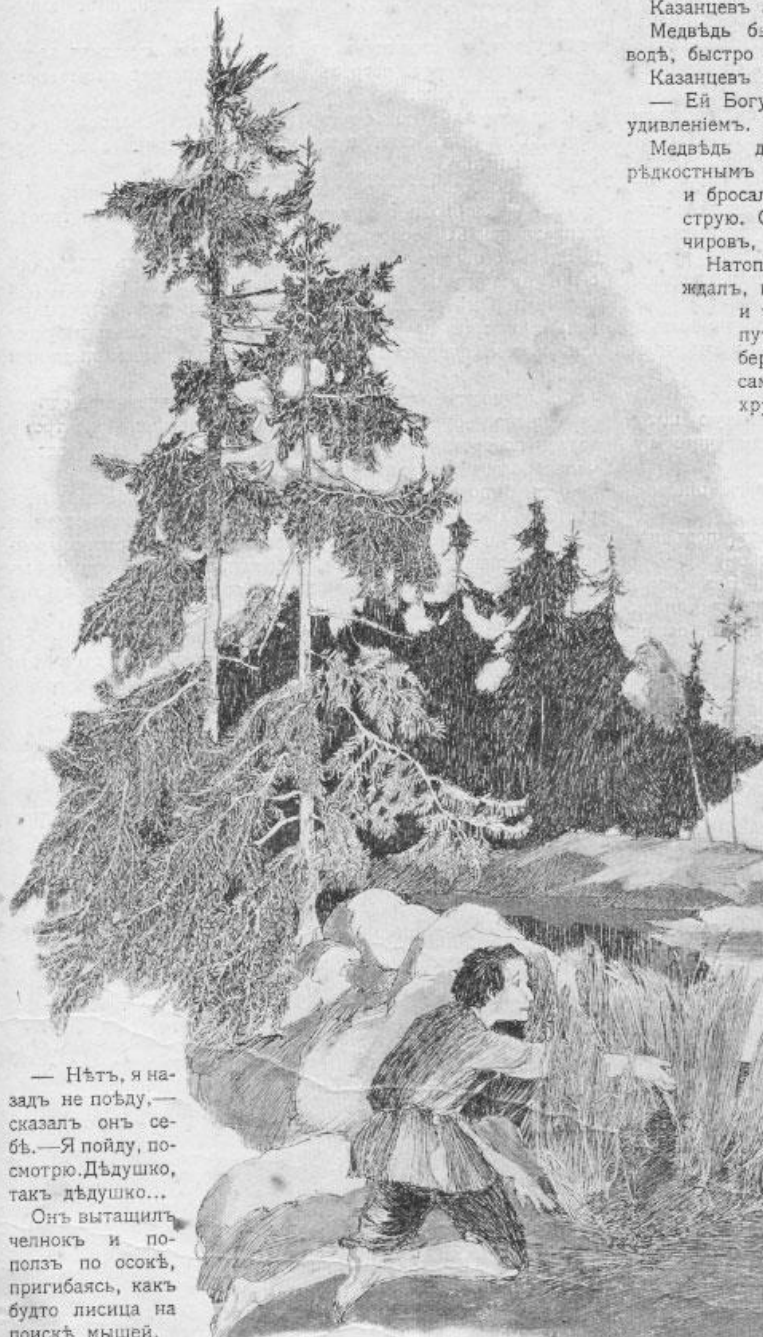
"Старикъ, — съ тревогой подумалъ Вася Разгульный. — Дѣлушко..."

То были слѣды огромнаго медвѣдя. Однако Казанцевъ боялся назвать его звѣринымъ именемъ даже мысленно. Ибо медвѣдь считается на сѣверѣ "знатливцемъ", способнымъ читать мысли человѣка.

Русскіе переняли отъ инородцевъ это суевѣрное почтеніе къ медвѣдю и боялись ставить на него деревянныя ло-

вушки, „кулемы“.—Дѣдушка узнаетъ напередъ и отомстить охотнику.

Ѣхать дальше по вискѣ было невозможно. Но Василій Казанцевъ не даромъ назвалъ себя въ пѣснѣ Разгульнымъ.

— Нѣтъ, я назадъ не пойду,— сказалъ онъ себѣ.—Я пойду, посмотрю. Дѣдушко, такъ дѣдушко...

Онъ вытащилъ челнокъ и поползъ по осокѣ, пригибаясь, какъ будто лисица на поискъ мышей.

По обычаю мѣстныхъ охотниковъ съ нимъ не было оружія. Только на бедрѣ былъ привязанъ ножъ собственнойковки, похожій одновременно на копье и на крѣпкій косарь. Ибо русскіе рѣчные зафреловы промышляютъ лисицу капканомъ, песца—падающимъ бревномъ, оленя—ременной петлей, гуся и лебеда—сѣтью, но часто не имѣютъ даже кремневой пицали, съ ударнымъ зѣнкомъ и короткимъ игрушечнымъ ложею, какія до сихъ

поръ на сѣверѣ переходятъ по наслѣдству, отъ дѣда къ отцу и отъ отца къ сыну.

Узенькій тонкій ручей вливался въ Разсошную виску,—какая-то мокрая щель, еле замѣтная въ зеленыхъ заросляхъ.

Казанцевъ замеръ на мѣстѣ, не смѣя двигаться дальше. Медвѣдь былъ тутъ. Онъ копошился надъ чѣмъ-то въ водѣ, быстро переходя съ берега на берегъ.

Казанцевъ посмотрѣлъ еще разъ.

— Ей Богу, строить „заѣзокъ“,—сказалъ онъ себѣ съ удивленіемъ. Умнѣй человѣка...

Медвѣдь дѣйствительно былъ занятъ мудренымъ и рѣдкостнымъ дѣломъ. Онъ срывалъ лапами зеленую осоку и бросалъ ее въ воду, стараясь запрудить бѣгущую струю. Онъ строилъ „заѣзокъ“, загородку для ловли чировъ, идущихъ вверхъ по ручью.

Натоптавъ и набивъ осоки, онъ съ минуту подождалъ, пока течение было готово разрушить преграду, и тогда принялся хватать траву вмѣстѣ съ запутавшейся рыбой и выбрасывать охапками на берегъ; съ послѣдней охапкой онъ выпрыгнулъ самъ и набросился на жирную добычу. Раздался хрустъ костей и звонкое чавканье. Чиры извивались въ травѣ и прыгали чуть не въ ротъ счастливому охотнику.

Въ самомъ разгарѣ этого интереснаго занятія медвѣдь вдругъ остановился, поднялъ голову и поглядѣлъ въ сторону Казанцева своими маленькими злыми глазками.

Казанцевъ почувствовалъ, что онъ открытъ.

Медвѣдь немного подождалъ, словно думалъ. Потомъ медленно сталъ подниматься на заднія лапы.

Медвѣдь медленно поднялся на заднія лапы

Передъ Казанцевымъ открылось широкое бурое чрево, вылинявшее за лѣто, съ клоками послѣднихъ волосъ, висящими на ляжкахъ; могучая шея, какъ-будто изваянная изъ камня.

Вся огромная фигура лѣснаго владыки имѣла въ себѣ что-то каменное, подобное статуямъ или гранитнымъ колоннамъ.

Подъ шеей на крѣпкой груди, Казанцевъ увидѣлъ „ожерелье“, бѣлый знакъ въ видѣ двухъ клинцевъ, сложенныхъ вмѣстѣ широкими концами.

„Князь-медвѣдь“, подумалъ Казанцевъ съ растущей тревогой.

То былъ „медвѣдь съ ожерельемъ“, „бѣлогривый“, „загривистый“, „мѣченый дядя“. Онъ попадаетъ рѣдко, но, по словамъ звѣролововъ, отличается особою силой и свирѣпостью нрава. Его называютъ на разныхъ туземныхъ нарѣчьяхъ „Царь-медвѣдь“, „Князь-медвѣдь“. И русскіе вмѣстѣ съ другими считаютъ его старшиной и владыкой медвѣжьего царства.

Медвѣдь стоялъ неподвижно, обращая къ пришельцу широкія черныя лапы. Казанцевъ глядѣлъ и не могъ оторваться.

— Совѣмъ человекъ,—говорилъ онъ тихонько.

Онъ мысленно снималъ съ медвѣдя мохнатую шубу. Оставалась какъ-будто фигура мужчины съ могучими руками и толстыми кривыми ногами.

„Хитрый,—подумалъ Казанцевъ.—Мы деньги платимъ за шубу, онъ такъ, даромъ носитъ“.

По общему повѣрью полярныхъ звѣролововъ, подъ шубой медвѣдя скрывается тѣло, подобное людскому.

Прятаться дольше не было смысла. Вася Разгульный поднялъ голову, и взгляды человека и медвѣдя скрестились.

Медвѣдь мотнулъ головой и слабо вздрогнулъ, словно собираясь опять опуститься на переднія лапы.

Казанцеву вдругъ показалось, что „мѣченый дядя“ грозитъ на него вотъ этой самой увѣсистой черной лапой. Волна страха, наконецъ, залила его легкомысленное сердце.

— Ну, не буду, уйду...—сказалъ онъ громко и бросился назадъ сквозь осоку, торопясь къ челноку и не смѣя обернуться, чтобы не увидѣть чудовища, бѣгущаго зади. Мысли его путались.

— Худо!.. отплатить, найдеть,—шептала онъ, задыхаясь отъ бѣга.

Онъ мигомъ столкнулъ въ воду челнокъ, схватилъ весло и, не долго думая, погребъ наудалую впередъ, мимо медвѣжьего промысла.

Царь-медвѣдь не сталъ преслѣдовать непрошеннаго гостя. Онъ былъ сытъ и съ медвѣжьей точки зрѣнія доволенъ жизнью.

Постоявъ съ минуту еще на заднихъ лапахъ, онъ опустился на землю и съ важнымъ видомъ побрелъ по тропѣ, направляясь къ верховью ручья.

Здѣсь было медвѣжье царство. Въ густомъ тальникѣ были протоптаны глубокія тропы, пригодныя даже для всадника. Онѣ расходились и снова сходились, взгляды невольно искали на каждомъ поворотѣ медвѣжью избушку изъ сказки, покрытую хворостомъ, съ засыпанной листьями дверью.

Съ важнымъ видомъ, какъ подобаетъ владыкѣ, однако съ большой быстротой, Царь-медвѣдь прошелъ по тропѣ за два поворота ручья, потомъ остановился и глухо заворчалъ, подавая сигналъ ближайшимъ сосѣдямъ.

Тутъ было цѣлое семейство: медвѣдица, годовалый подростокъ-пестунъ и двухмѣсячный медвѣжонокъ, рыжий, смѣшной и еще не очень твердый на своихъ растопыренныхъ лапкахъ. Они тоже занимались ловлей рыбы въ верховьяхъ ручья, но безъ всякой запруды, просто зубами и лапами.

„Мѣченый дядя“ обнюхалъ медвѣжонка, хрюкнулъ совѣмъ по-свиному и отправился въ кусты. Супруга и дѣти пошли зади гуськомъ. Время обѣда и промысла минуло. Теперь наступала пора послѣобѣденнаго отдыха.

(Продолженіе слѣдуетъ).